

Глава 1

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕКОНСТРУКЦИИ КУКОВСКИХ ПОСТУПЛЕНИЙ В МУЗЕЯХ ЕВРОПЫ

Проблема идентификации безымянных этнографических поступлений конца XVIII–XIX в. носит универсальный характер. Поэтому прежде, чем сосредоточиться на истории коллекций МАЭ, нам необходимо осуществить довольно обширный экскурс в область истории коллекций в музеях Западной Европы. Названная проблема связана преимущественно с интерпретацией куковских коллекций в широком смысле, то есть коллекций, доставленных в Европу участниками плаваний капитана Кука. Фактически единственным дискурсивно представленным способом ее решения выступает метод подбора в сочетании с методом этнографических аналогий. Следовательно, речь идет о прямом сопоставлении экспонатов с наименованиями предметов в старинных списках или каталогах.

Вопрос в том, что считать документальным свидетельством в терминах соблюдения логической процедуры. При использовании метода подбора главная трудность заключается в краткости описания предметов в старинных списках, на что нередко накладываются неточности при указании функции предметов. Традиционная материальная культура, в том числе океанийская, крайне слабо поддается европейской классификации. Названия вещей, несомненно, диктовались собственными европоцентристскими аллюзиями собирателей или составителей каталогов, поэтому часто не соответствуют реальной их функции. Ситуация еще более усложняется, когда приходится иметь дело с переводом с языка оригинала на другой язык. С этой точки зрения большая часть работы состоит в том, чтобы представить, мысленно «нарисовать» или «увидеть», к предметам какого класса отсылают названия вещей, встречающиеся в старинных каталогах.

Как правило, исследователи исходят из тезиса, согласно которому находка какого-либо списка сама по себе является решением

проблемы. По той же причине при возникновении ощущения исчерпанности информации, лежащей на «поверхности» документа, прекращаются всякие попытки дальнейшего анализа самого источника. С этого момента исследователи переходят к изучению биографических данных, касающихся прижизненных связей потенциальных дарителей коллекций. Биографический метод на вполне естественных основаниях сочетается с методом изучения географии маршрутов путешествий, частных вояжей и пр. В этом случае мы не выходим из области предположений. Из факта посещения экспедицией того или иного географического пункта еще не вытекает вывод о том, что безмянные вещи, обнаруженные среди коллекций данного музея и, может быть, довольно легко идентифицируемые методом этнографических аналогий, относятся к сборам участников той или иной экспедиции. Подобный метод выявления источников поступлений обладает сугубо негативным свойством. С помощью этого метода можно точно установить, какие предметы не могут входить в ту или иную коллекцию, но не наоборот.

Весьма часто изучение маршрутов путешествий оказывается вообще бесполезным из-за ошибочной фиксации места сбора предметов, поскольку результативность этнографических аналогий во многом зависит от достоверности первичного указания географии вещей. К этому надо добавить, что в старинных списках предметы одного класса по большей части упоминаются под общим наименованием вне зависимости от места сбора. Наконец, если музей является обладателем нескольких коллекций, относящихся к одним и тем же регионам в рамках близких по времени посещений, идентификацию отдельных вещей существенно затрудняет единообразие списков. Метод подбора или подстановки («предмет — список») по своим параметрам допускает лишь частичную или условную реконструкцию поступлений, часто приводя к кругу в доказательстве. В рамках этого метода даже подлинный сопроводительный список выступает в роли косвенного свидетельства (*circumstantial evidence*).

Все это, конечно, не должно означать, что документальные свидетельства (*documentary evidence*) не существуют в принципе. Следует учитывать возможность сложения (умножения) информации, заключенной в различных источниках. Каждый документ ценен не сам по себе, но в качестве одного из ряда документов, являясь ключом к другому документу. Поиск должен продолжаться до тех пор, пока не будет воссоздана целостная картина событий,

отражаемых комплексом документов. В этом случае система исторической атрибуции определенных групп предметов выстраивается согласно внутренней логике, не субъективно. В конечном счете доказательством принадлежности предмета к тому или иному поступлению является демонстрация его непринадлежности ко всем другим известным поступлениям.

В каком-то смысле для нас все начинается с проекта Адриенн Кепплер, поставившей перед собой цель проследить изменения в тонганском обществе и материальной культуре со времен Кука до наших дней. Как она вспоминает, в первые месяцы, проведенные в Европе в 1969 г., выяснилось, что принадлежность конкретных вещей к сборам экспедиций Кука хранители коллекций обосновывали ссылками на музейные предания или на общее представление о том, как *должны* выглядеть куковские вещи [Kaerpler 1978a: xiii].

В августе 1969 г. в Оксфорде был обнаружен список под названием “Catalogue of Curiosities sent to Oxford”, позволивший идентифицировать предметы из коллекции Иоганна Рейнгольда Форстера, участника второго путешествия Кука. Из публикаций на эту тему можно понять, что автором находки была сама Адриенн Кепплер [Coote, Gathercole, Meister 2000: 177–192]. Впервые о существовании упомянутого Каталога было публично заявлено в рамках проведения выставки 1970 г., организованной П. Гатеркоулом по просьбе куратора Музея Питт-Риверса Бернарда Фагга [Ibid.]. Уже в 1971 г. Гатеркоул представил итоги своих исследований по атрибуции вещей из оксфордской коллекции Форстера на Конгрессе ориенталистов в Канберре¹ [Gathercole 2004 (1971)]. Подлинность означенного документа подтверждается идентификацией почерка Георга Форстера-младшего [Ibid.].

Вероятно, именно благодаря находке 1969 г. возникает целая волна открытий (“rediscoveries”) в области изучения куковских поступлений. В интересующем нас контексте название программной статьи Кепплер звучит достаточно красноречиво: «Использование документов при идентификации этнографических предметов из путешествий капитана Кука» (1972).

При некотором знакомстве с историей выставки 1970 г. становится ясно, что идентификация куковских вещей, основанная на

¹ Работа была опубликована в 2004 г. с предисловием и примечаниями Дж. Кута.

«слухах», как однажды выразилась Кепплер, имеет место лишь до тех пор, пока не поставлена задача по их выявлению. Когда Эрнест Додж, директор Музея Пибоди, взялся в 1961 г. за осуществление проекта по выявлению этнографических материалов, относящихся к путешествиям Кука, по его запросу (об этом пишет сама Кепплер) был составлен список, основанный на использовании письменных свидетельств в виде этикеток Эдварда Эванса, сделанных при передаче вещей из Музея Эшмоула (Ashmolean Museum)¹ во вновь учрежденный в 1886 г. Музей Питт-Риверса [Kaeppler 1972: 195].

О подходе Кепплер можно судить по отрывку из упомянутой выше статьи: «В 1969 г. документ, состоящий из 11 рукописных страниц формата фулскэп², озаглавленный как “Каталог редкостей, посланных в Оксфорд”, был найден в заднем кармане книги поступлений Музея Питт-Риверса. Этим документом оказался список коллекции Форстера, сделанный в то время, когда он был послан в Оксфорд, или немного позже (вероятно, составленный сыном Форстера Джорджем, который сопровождал своего отца). Этот список был пронумерован и совпадал с номерами, наклеенными на некоторые предметы в музейных коллекциях, которые до этого времени не имели смысла, так как не подходили ни к одному из известных каталогов или инвентарей. В добавление к этому артефакты перечислялись в соответствии с названием той или иной островной группы» [Ibid.: 195–196].

Упоминая каталог Музея Эшмоула 1836 г. (в котором к наследию Форстера были отнесены 36 предметов наряду с определенным числом «циновок и платья») и этикетки Эванса, Кепплер, по-видимому, следует идее, что находка сопроводительного списка позволяет полностью исключить из рассмотрения более поздние каталоги при решении вопросов, связанных с провенансом вещей. В этом случае в нашем распоряжении остаются только два способа идентификации предметов: сопоставление этикеток на предметах с сопроводительным списком и прямой подбор вещей при отсутствии этикеток.

Как отмечает Кепплер, до 1969 г., когда был обнаружен Каталог редкостей Форстера, единственным свидетельством принадлежности к куковской коллекции вещей из Музея Питт-Риверса были этикетки

¹ В русскоязычной литературе общепринятого эквивалента названию данного музея не существует (см.: [Анфиногенова, Войтекунас 2014: 28]).

² 17×13 дюймов.

Эванса; только с помощью каталога Форстера удалось выяснить, что его коллекция насчитывала 178 номеров (это вдвое больше, чем можно было предполагать, ориентируясь только на список Эванса [Ibid.: 195]). Безусловно, объяснение старинных номерных и/или текстовых этикеток (в данном случае этикеток Форстера) посредством обнаружения списка дарителя является неоспоримым доказательством в пользу принадлежности отдельных предметов к конкретному поступлению. Однако обычно процент вещей с сохранившимися на них старинными этикетками бывает весьма невелик.

По мнению Гатеркоула, Каталог редкостей Форстера до 1969 г. оставался никем не замеченным, в том числе Эдвардом Эвансом, который обозначил своими этикетками границы гипотетической (“presumed”) коллекции Форстера [Gathercole 2004 (1971)]. Такого же мнения придерживается Кепплер [Kaerpler 1972: 195]. Тем не менее логично рассматривать появление этикеток Эванса как результат работы с Каталогом редкостей 1776 г., который затем был вложен в книгу поступлений Музея Питт-Риверса, возможно, самим Эвансом. Скорее всего, по этикеткам Форстера ориентировался и составитель каталога 1836 г. Тот факт, что этикетками Эванса было снабжено менее половины вещей, согласуется с примерным числом сохранившихся этикеток Форстера [Gathercole 2004 (1971)]. Следовательно, Эванс шел путем сопоставления этикеток Форстера со списком Форстера в сочетании с методом подбора. По крайней мере, этикетки Форстера и этикетки Музея Эшмоула как 1836 г., так и 1886 г. встречаются на одних и тех же предметах [Ibid.]. Таким же образом (“mundane checking and cross-referencing”) действовал Гатеркоул [Ibid.].

Как можно видеть, недостаточно сопоставить вещи со строками из того или иного списка, необходимо доказать непринадлежность этих вещей к спискам всех других возможных поступлений. В 1886 г. перед Эвансом, вероятно, стояла задача с помощью Каталога Форстера вычленив из этнографического собрания Музея Эшмоула куковское поступление 1776 г. Он не просто изготовил этикетки к вещам, которые были им определены как относящиеся к коллекции Форстера, но и создал каталог всех трех тысяч этнографических предметов, хранившихся в Музее Эшмоула (см.: [Gathercole 2004]). Мы говорим о том, что настоящим источником всегда выступает комбинация нескольких источников разного рода, разного времени и разной степени достоверности. Например, дневники или списки собирателей, за очень редкими исключениями, сами по себе не могут служить удостове-

верением принадлежности вещей к конкретному собранию, но помогают локализовать эти вещи относительно той культуры, из которой они были изъяты. В то же время даже утрата сопроводительного (первоначального) списка еще не означает принципиальную невозможность документального обоснования связи тех или иных вещей с имьярек поступлением. Структура более поздних музейных каталогов помогает восполнить подобные пробелы.

Книгу Штефана Августина «Искусственные вещи» из путешествий Кука. Собрание Этнографического музея в Херрнхуте и его история» (1993), в сущности, целиком посвященную изучению такого письменного источника, как “*Catalogus der Kunstsachen 1775*”¹, можно считать одним из образцовых исследований в плане работы с архивными документами при атрибуции этнографических коллекций. Автор не ограничивается простым сопоставлением отдельных пунктов в найденном им каталоге с имеющимися предметами. В его книге просматривается совершенно иной подход к делу, предполагающий рассмотрение множества архивных документов в очень широком временном диапазоне:

«Каталог, который можно рассматривать как основополагающий для данного собрания вещей документ, не содержит никаких данных о времени поступления и личности собирателя. Указания на области, “которые посетил Капитан Кук” или, соответственно, место “где Капитан Кук нашел свою гибель”, сами по себе не могут играть роль доказательства сбора этих вещей во время путешествий Кука.

Поэтому необходимо проанализировать более широкий круг документов и источников с целью поиска фактов, синтез которых даст возможность ближе подойти к названной проблеме. При этом исследование должно концентрироваться прежде всего на времени появления коллекции в Барби, чтобы по возможности *исключить поступления, относящиеся к сборам из других путешествий того времени*» (курсив наш. — П.Б.) [Augustin 1993: 14].

¹ В настоящее время этот документ хранится в архиве Евангелического братства в Херрнхуте, в Германии, представляя собой описание Кабинета естественных вещей (Naturalienkabinett) при Теологическом семинаре братства в замке Барби, в одном из залов которого эти вещи были выставлены в конце XVIII в.

То, что первоначальное поступление составляло 106 объектов, стало известно только после обнаружения упомянутого выше каталога, в котором вещи под № 167–269 значатся как поступившие от некоего «Ла Тробе». Перед Августином стояла двоякая задача: во-первых, доказать, что предметы, помеченные этим именем в найденном Каталоге, происходят из путешествий капитана Кука, во-вторых, установить, какие именно из предметов Музея в Херрнхуте соответствуют номерам данной части Каталога. В результате удалось выявить 38 предметов, остальные, по свидетельству самого Августина, не были найдены (“*Vermisste Objecte*”) в ходе исследования [Augustin 1993: 123–138].

Судьба куковской коллекции в Херрнхуте довольно четко прослеживается по документам, связанным с перемещениями экспонатов. В 1809 г. Кабинет естественных вещей был переведен из Барби в Ниски (Оберлаузиц), а в марте 1878 г. около восьмидесяти предметов, включая этнографические экспонаты из числа куковских, были переданы в только что основанный в Херрнхуте «исторический, этнографический и естественно-исторический Музеум» [Ibid.: 27]. Так, коллекции музея разделились на две части. Но после Второй мировой войны этнографические вещи из музея в Ниски, за исключением утраченных в ходе эвакуации, были вновь воссоединены в собраниях Этнографического музея в Херрнхуте [Ibid.: 31]. Все указанные перемещения Августин скрупулезно прослеживает по актам передачи и регистрационным спискам, поэтому не может быть никаких сомнений в том, что мы имеем дело с коллекциями конца XVIII в., некогда входившими в состав Кабинета в замке Барби.

О существовании Каталога, а также о связи некоторых вещей с путешествиями Кука было известно и раньше, если судить, например, по упоминаниям, относящимся к 80-м годам XIX в. и 20-м годам XX в. [Ibid.: 28–29]. По замечанию Августина, уже тогда бытовало мнение, что вещи океанийского и американского происхождения связаны своим происхождением именно с путешествиями капитана Кука. Впоследствии этот документ, как и имя Кука, был забыт и открыт заново только в 1986 г. [Ibid.]. Современный анализ Каталога подтвердил куковское происхождение нескольких десятков артефактов из современного собрания Музея в Херрнхуте [Augustin 1993: 1; 2003: 16–17].

Если судить по заглавию, время создания Каталога — 1775 г. Сравнительное изучение Августином почерков документа показы-

вает, что вплоть до № 283 все записи в Каталоге велись «Смотрителем натуральных собраний Семинара» И. Я. Боссартом (дата смерти — 1789 г.) [Augustin 1993: 11]. Собственно куковские вещи, как уже сказано выше, значатся под № 167–269 с указаниями имени дарителя: “La Tr.”, “La Trobe”, “Br. La Trobe”. Кроме того, в Каталоге между номерами 267 и 268 есть вставка, поясняющая, что эти вещи были получены «благодаря любезности брата Ла Тробе» [Ibid.: 14, 17].

Августин приводит и другое письменное свидетельство (датируемое 1789 г.), согласно которому вещи были приобретены “durch die Vermittlung des selg. Br. La Trobe” [Ibid.: 17]. Речь идет о Бенджамине Ла Тробе, в разные годы посещавшем Барби и подолгу жившем в Лондоне, где он был хорошо знаком с семьей Чарльза Барни, сын которого, Джеймс Барни, был лейтенантом во втором и третьем путешествиях Кука [Ibid.: 21–22, 25]. Таковы истоки версии, по которой первым владельцем коллекции был Джеймс Барни, подаривший ее Бенджамину Ла Тробе.

Время поступления коллекции Ла Тробе в Барби по документам устанавливается достаточно точно: между октябрем 1780 г. и началом февраля 1782 г. [Ibid.: 16, 24]. Однако, как отмечает Августин, ему не удалось обнаружить документы, связанные с перевозкой или передачей вещей в Барби [Ibid.: 25]. При этом он отвергает связь между фактом появления этих вещей и тремя визитами Ла Тробе в Барби в июне–октябре 1775 г., в июле и октябре 1782 г. В первом случае этому противоречит состав коллекции, включающей вещи, которые могут иметь отношение только к третьему путешествию Кука (1778–1780), во втором — тот факт, что вещи уже с февраля 1782 г. находились в Барби [Ibid.: 16–17, 25]. Поэтому Августин ставит под сомнение факт личной передачи вещей кем-либо из членов братства, выдвинув предположение о посылке вещей на одном из кораблей, курсирующих между Англией и континентом [Ibid.].

Но в таком случае, вероятно, можно не замыкаться на версии, по которой куковская коллекция в Барби была личным подарком Бенджамину Ла Тробе от Джеймса Барни. Коллекция из 106 куковских предметов даже по тем временам являлась слишком крупным и ценным собранием, чтобы выступать в роли подарка частному лицу. Вспомним, как формулировалось современниками участие Ла Тробе в приобретении этих вещей: «благодаря любезности» или «при посредничестве» брата Ла Тробе (см. выше). Все это наводит

на мысль, что херрнхутовская коллекция была куплена у одного из лондонских дилеров, а в те времена в этой сфере наиболее заметной фигурой был Джордж Хамфри.

Для сравнения приведем данные по истории геттингенской коллекции. Именно в 1782 г. Академический музей в Геттингене приобрел у Хамфри большую коллекцию куковских вещей [Urban 1998: 61]. Вместе с вещами Хамфри выслал составленный им лично “Catalogue of Manufactures, Mechanical Performances and other Inventions of the Natives of the new discovered, or but seldom visited Countries in the Pacific Ocean etc.”, имеющий собственную нумерацию. Наличие номерных этикеток на вещах во многих случаях делает тривиальной задачу идентификации отдельных вещей, принадлежащих к этому поступлению.

Другая куковская коллекция поступила в Геттинген в 1799 г., после смерти Иоганна Рейнгольда Форстера, от имени его сына Георга Форстера. Сопроводительный список “Verzeichniss der Südsee-sachen”, написанный его рукой, пронумерован, но этикетки на вещах маркированы только значком в виде начальной буквы имени «F» с точкой [Ibid.: 60–76]. Таким образом, при выявлении предметов из поступления 1799 г. приходится сопоставлять два множества: названия вещей по Каталогу Форстера и вещи с сохранившимися этикетками указанного типа при одновременном наложении этих множеств на множество вещей с этикетками Хамфри.

Так называемая коллекция Вебера¹ в Историческом музее Берна документируется тремя источниками: Индексом редкостей (Описью вложения, или shipping list) на немецком языке, составленным при перевозке коллекции из Лондона в Берн, списком в Указателе библиотеки Берна, который датируется 1791 г. (также на немецком языке)², и серией рукописных текстовых этикеток на английском языке, наклеенных на вещи, как считается, самим Вебером [Kaerpler 1978a: 22–24].

Поскольку дата составления Индекса редкостей неизвестна, время поступления коллекции более надежно определять по формуле «до 1791 г.», то есть путем указания на момент первого письменного свидетельства о существовании такой коллекции в Берне.

¹ Джон Веббер (Иоганн Вебер), художник третьей экспедиции Кука.

² В 1803 г. данная коллекция была внесена в книгу поступлений только что построенного Исторического музея (см.: [A Description 1978: 29]).

В том, что касается перекрестных ссылок, первоисточником принято считать ряд этикеток на английском языке. С этой точки зрения сопроводительный список на немецком языке является переводом с английского, а список, помещенный в библиотечном инвентаре 1791 г., — переложением сопроводительного списка. Это мнение было высказано еще Карлом Хенкингом, первым исследователем коллекции «Южных морей и Аляски» в Бернском историческом музее [A Description 1978: 29].

Хотя во многих случаях и не удается однозначно сопоставить ту или иную вещь конкретной входной строке, в целом состав бернской коллекции соответствует Описи вложения на немецком языке. Загадка этой коллекции — существование текстовых этикеток на английском языке. Если собирателем этой коллекции, что должно вытекать из оригинального названия документа — «Опись вложения», является сам Веббер, наклеивание этикеток на английском языке выглядит излишним. Тем более что Кепплер уже отмечала тот факт, что на этикетках часто неверно указана географическая принадлежность предметов, например вместо «Тонга» пишется «Таити» [Kaeppler 1978a: 22].

В «Описи вложения» после перевода текстов на немецкий язык география предметов сохраняется. Кепплер объясняет возникновение подобных ошибок тем, что Веббер изготовил этикетки много позже своего возвращения из путешествия в 1780 г., поэтому плохо помнил, откуда именно происходят те или иные вещи [Ibid.]. Не менее странным кажется обнаружение, по крайней мере, одной этикетки на французском языке на образце новозеландского льна: “Phormium tenax ou Lin de la Nouvelle Zelande” (в «Описи вложения» этому соответствует строка “1 Echantillon (sic!) flachs New Zealand”) [A Description 1978: 29]. К этим фактам можно добавить и примечание, сделанное внизу «Описи вложения» на французском языке: “Les frais d’emballage et de Port, de Londres à Berne se montent à Sept Louis—environs”¹ [Kaeppler 1978a: 22].

Таким образом, при изучении истории бернской коллекции могут возникнуть различные версии, кроме той, согласно которой тексты этикеток написаны рукой Веббера. Несмотря на то что оригинальное название «Описи вложения» говорит о том, что «редко-

¹ «Издержки по упаковке и портовым расходам из Лондона в Берн на сумму около семи луидоров».

сти из Южных морей» были собраны Г. Веббером «во время его путешествия с капитаном Куком и привезены в Англию» (см.: [Ibid.]). В конечном счете неизвестно, кто сделал на этикетках надписи по-английски и кто составил «Опись вложения» на немецком языке. Возможно, информация о собирателе, заключенная в названии «Описи вложения», является не констатацией факта, а лишь умозаключением, основанным на сведениях о том, что один из предметов, а именно: некий «ошейник» (Halsband), был подарен лично Вебберу («Веберу») «королем островов Дружества» (см. “Shipping List” в: [Kaeppler 1978a: 24]). Например, нельзя заранее исключать вариант приобретения Веббером большей части коллекции, а может быть, и всей коллекции у лондонских дилеров, например у того же Хамфри. Почерк этикеток очень похож на почерк Каталога Хамфри, сопровождавшего передачу коллекции в Академический музей в Геттингене в 1782 г.

Еще одна известная куковская коллекция с неясным провенансом хранится в Национальном музее антропологии и этнологии во Флоренции. Первооткрыватель этой коллекции Энрико Джильоли вспоминал, что еще в 1865 г., во время первого визита в Королевский музей физики и естественной истории во Флоренции, его поразило наличие множества предметов из Полинезии, представляющих культуру народов этого региона, еще не затронутую европейскими контактами [Giglioli 1978: 81]. Впоследствии он обратил внимание на то, что за исключением более поздних поступлений все вещи, формирующие этнографическую коллекцию музея, соответствуют маршруту третьего путешествия Кука: Новая Зеландия, Тонга, Таити, Гавайи и северо-западное побережье Северной Америки [Ibid.].

При датировке флорентийской коллекции основным источником служит Генеральная опись Королевского музея физики и естественной истории. Опись была начата в конце 1791 г. и закрыта в начале 1792 г., однако к ней имеется несколько приложений, отражающих более поздние поступления. В приложении XII, которое относится к 1802–1803 гг., под № 2008–2213 впервые упоминаются предметы, образующие флорентийскую коллекцию [Ibid.]. В конце списка рукой составителя Аттильо Зукканьи сделано примечание относительно того, что все эти вещи «обитателей островов Южных морей» были взяты из маленькой комнаты напротив входа в помещение, занимаемое хранителем [Ibid.]. Между тем в Генеральной

описи под 1791 г. тоже есть запись о «маленькой комнате напротив двери хранителя» с «Индийскими вещами» (“Indian things”)¹ [Ibid.: 79]. Из этого Джильоли вполне справедливо делает вывод, что к 1791 г. куковские вещи уже находились в Королевском музее во Флоренции (1780 г. он принимал за нижнюю дату возможного поступления) [Ibid.: 79, 81].

Не так давно в научное обращение было введено письмо от 17 февраля 1778 г., подписанное Иоганном Рейнгольдом Форстером и его сыном Георгом. Письмо адресовалось Франческо Фави, торговому агенту Великого герцога Флоренции, с предложением приобрести коллекцию, включающую артефакты с Таити, Тонга, Новой Зеландии, Новой Каледонии и Новых Гебрид [Kaeppler 1978b: 71–74]. Данная сделка, скорее всего, так и не состоялась. Очертания предлагаемой в письме коллекции типичны для коллекций Иоганна Форстера, привезенных из второго путешествия Кука, о чем говорит упоминание вещей с Новой Каледонии и Новых Гебрид [Ibid.: 72–73]. Настоящая же флорентийская коллекция явно происходит из третьего путешествия Кука, так как включает вещи с Гавайских островов, северо-западного побережья Северной Америки и Чукотки.

Имеются косвенные свидетельства пребывания Грегорио Фонтаны и Джованни Фаброни² в Лондоне с 1778 по 1780 г. включительно (то есть именно тогда, когда корабли третьей экспедиции Кука вернулись в Англию), их участия в аукционах и знакомства с Хамфри. Оба были знакомы и состояли в переписке с Джозефом Бэнксом, участником первого путешествия Кука, известным в то время коллекционером [Ibid.: 73].

С точки зрения общих контуров флорентийской коллекции, гораздо больший интерес вызывает первый специальный каталог этнографической коллекции Королевского музея во Флоренции, датируемый 1822 г. Этот каталог с титулом «Приемная за Комнатой Окаменелостей — Принадлежности Варварских Наций» содержит 135 наименований, включающих описания вещей из Китая, Индии, Египта, Западной Африки, Мадагаскара и Гвианы. По мнению Джильоли, данный факт говорит о нарушении границ нескольких поступлений

¹ Во времена Кука жителей Океании нередко именовали индейцами.

² Занимали должности в Королевском музее во Флоренции в конце XVIII в. в процессе как его создания, так и пополнения и хранения его коллекций [Kaeppler 1978b: 73, 81].

[Giglioli 1978: 81]. Однако на тот же факт можно взглянуть иначе, предположив, что вышеперечисленные названия входят в один ряд вместе с названием «острова Южных морей», отражая довольно широкую географию одного и того же крупного приобретения, известного по Генеральной описи 1791 г. под родовым наименованием «Индийские вещи». На этом фоне более логично считать, что при приобретении коллекций для Королевского музея у Фонтаны или Фаброни не было никаких причин ограничиваться покупкой только тех вещей, которые были привезены участниками экспедиций Кука.

В заключение нашего обзора следует подчеркнуть, что куковские коллекции в музеях мира образуют единое пространство. Следовательно, при изучении общих свойств одних коллекций можно заметить статистические и стилистические закономерности, позволяющие делать выводы относительно других коллекций, которые не принято связывать с экспедициями Джеймса Кука. Секрет состоит в построении географических моделей отдельных коллекций независимо от того, обладаем ли мы в настоящий момент всем набором документов, определяющих их провенанс. Для наглядности составим таблицу (см. табл. I), добавив описание коллекций, речь о которых пойдет в других разделах настоящей книги.

Очевидно, что именные коллекции участников путешествий Кука тяготеют к однородности с точки зрения особенностей маршрута одного из трех путешествий Кука, тогда как коллекции, приобретенные у дилеров, носят смешанный характер. В качестве своего рода «маркировки» отдельных поступлений могут служить географические пункты, которые корабли Кука посещали во время только одного плавания. Например, оксфордская коллекция 1775 г. и геттингенская 1799 г. представляют в чистом виде второе путешествие Кука, а петербургская коллекция 1780 г. — третье путешествие. В то же время геттингенская коллекция 1782 г., поступившая по каталогу Хамфри, содержит вещи, привезенные как из второго, так и из третьего путешествий Кука.

В настоящее время нельзя останавливаться на уже существующих реконструкциях куковских коллекций. Эти коллекции предстоит «перебирать» неопределенно долгое время в будущем, в идеале до тех пор, пока не исчезнут «шумы» при атрибуции отдельных вещей. Если та или иная вещь оказывается «непонятной», функционально или географически, внутри «своей» коллекции, она может найти объяснение в «чужой» коллекции. При этом не исключено

Таблица I

Регион Поступ- ление	To	Ta	Ma 2	Ha 3	Nze	East 2	NHe 2	Nca 2	NW 3	TFu	Aus 1	NGu 1	Chu 3	Ka 3
Оксфорд 1775 Форстер	+	+	+		+	+	+	+						
Кунсткамера 1777 Форстер		+												
Стокгольм (1778) Спаррман	+	+	+		+		+	+						
Кунсткамера 1780 Бем	+	+		+					+					+
Кунсткамера 1782 Шмалев													+	
Кунсткамера 1809 Ваксель						+								
Херрихут 1782 Хамфри (?)	+	+		+	+				+					
Геттинген 1782 Хамфри	+	+	+	+	+		+	+	+	+				
Геттинген 1799 Форстер	+	+			+					+				
Берн 1791 (1780) Веббер (?)	+	+		+	+				+					
Флоренция 1780–1791 Хамфри (?)	+	+		+	+				+				+	
МГАД 1808 (1782) Скотт	+	+	?	?	+	+	?		+		+	+		

обнаружение новых коллекций, происходящих из сборов участников плаваний Кука.

Исследователей может заинтересовать коллекция Степана Георгиевича Скотта, английского морского офицера, поступившего на службу в русский флот в 1783 г. в чине лейтенанта. Как известно, в 1808 г. Музей Государственного Адмиралтейского департамента (МГАД) приобрел у Скотта довольно крупную коллекцию этнографических вещей. Впоследствии, при расформировании Музеума в 1827–1828 гг., эта коллекция вместе с другими вещами оказалась в недрах Императорской Академии наук. Полная реконструкция этой коллекции является делом будущего, однако уже сейчас она привлекает внимание своей необычной для петербургских собраний того времени географией. Просматривая Ведомость Бестужева (см. главу 5), мы обнаруживаем в ней, по крайней мере, три «куковских» географических названия: «Новая Гвинея», «остров Пасхи», «Зунд Нотка». Среди вещей из коллекции Скотта встречаются также вещи «из Египта», «с острова Мадагаскара» или «с Суматры». Последнее обстоятельство может роднить его коллекцию с коллекцией «Индийских вещей» из Королевского музея физики и естественной истории во Флоренции. Здесь, конечно, крайне важно проследить «английскую» часть биографии Скотта — до 1783 г. Вполне вероятно, что его личность отождествима с личностью лейтенанта морской пехоты Джеймса Скотта, участника второго путешествия Кука.

Из-за особенностей характера (по мнению окружающих, неуравновешенности, подозрительности, склонности к ссорам) карьера Джеймса Скотта как «большого поборника чести» (“a great striker for Honour”) в английском флоте явно не складывалась. Произведенный в чин лейтенанта в 1772 г. и чин первого лейтенанта в 1776 г., он уже в 1779 г. был переведен на половинное жалованье (“on half-pay List”) [Cook 1961, II: 892]. Недовольство своим служебным положением вполне могло привести его в Россию, где он довольно успешно продвигался по служебной лестнице, достигнув чина капитан-командора. Поскольку в формулярных списках при указании возраста учитывались полные годы, а умер он в 1813 г., датой его рождения можно считать 1750 г., что само по себе может являться подспорьем в наших поисках¹.

¹ Впрочем, еще не время отбрасывать другие, кажущиеся более слабыми версии касательно происхождения С. Г. Скотта. На всякий случай возь-

Таким образом, у нас есть достаточно весомые основания для разработки гипотезы, согласно которой коллекция капитана Скотта, по крайней мере частично, может относиться к ряду куковских коллекций. Задача состоит в определении ее реальных очертаний, поскольку еще внутри МГАД она была растворена среди других поступлений. Заранее можно сказать, что подобная проблема не выглядит теоретически неразрешимой, так как сводится к относительно простой задаче отделения вещей Скотта от вещей из коллекций участников первого русского кругосветного путешествия 1803–1806 гг.

мем на заметку, что в британском королевском флоте в то время служили два Джорджа Скотта, произведенные в лейтенанты в 1776 и 1780 гг. [Syrett, Hist 1994: 398].